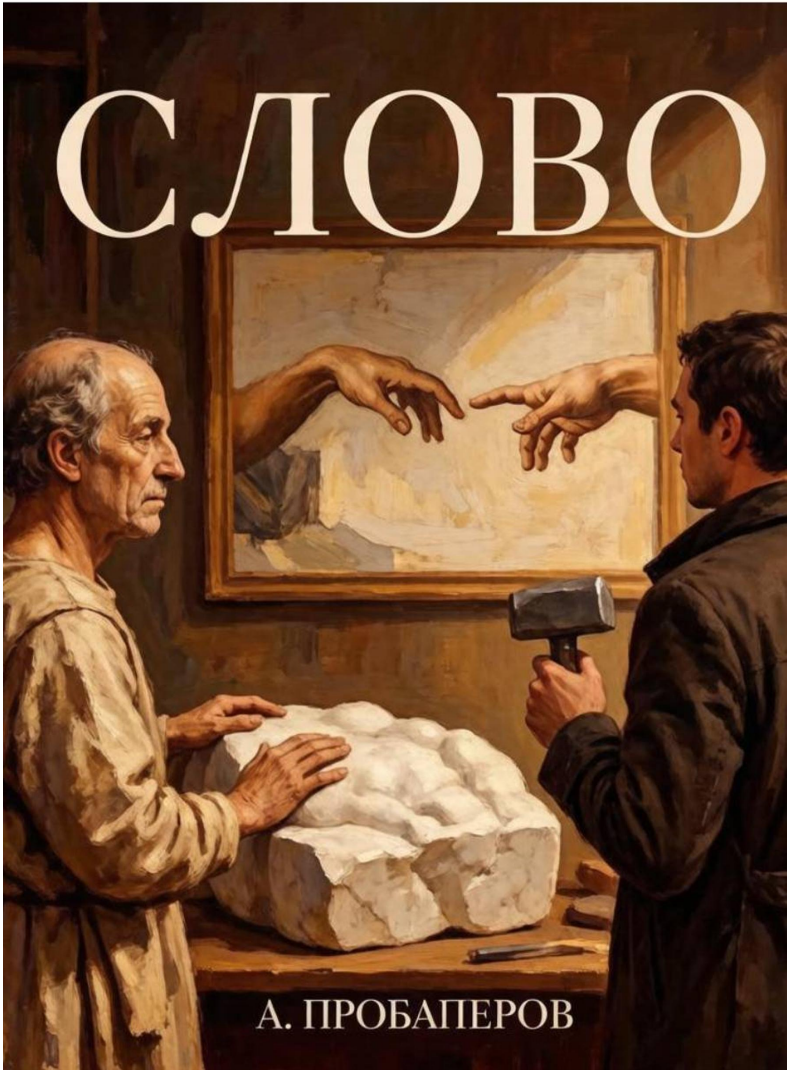

СЛОВО
А. ПРОБАПЕРОВ

А Пробаперов
Слово

https://litres.ru/74777154
SelfPub; 2026

Аннотация

Что вы сделаете, если обнаружите, что ваше слово способно менять реальность?

Пётр Иванович Книголюбов — артист театра, литературовед и этнограф. Однажды вечером в парке он слышит крик и, не умея драться, всё равно бежит на помощь. То, что он говорит хулиганам, срабатывает. Но он не помнит, что именно сказал.

Так начинается его путь к пониманию силы Слова — не как метафоры, а как изначальной силы, о которой говорит Библия. Он учится вживаться в чужие образы, чтобы перенять уверенность, интеллект, умение лечить, договариваться. Но каждая новая грань силы — это и новое искушение.

Где граница между созиданием и вмешательством? И что останавливает человека, который может всё, — кроме самого себя?

Содержание

Глава 1. «Крик» 4
Глава 2. «После» 8
Глава 3. «Театр» 13
Глава 4. «Библия» 16
Глава 5. «Вода» 19
Глава 6. «Сказки» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

А Пробаперов
Слово

Глава 1. «Крик»

Крик он услышал не сразу.

Сперва это был просто звук — резкий, высокий, как будто где-то в темноте закричала птица. Потом звук повторился, и Пётр Иванович понял, что это не птица. Это голос. Женский. Молодой.

— Помогите!

Он остановился. Дорожка впереди уходила в темноту — там, за поворотом, фонарей не было, и парк кончался, и начинался пустырь, который никто не освещал. Голос шёл оттуда.

Пётр Иванович посмотрел по сторонам. Метрах в двадцати шёл мужчина в пальто, с портфелем. Он услышал — Пётр Иванович видел, как тот вздрогнул и ускорил шаг. Не побежал. Просто ускорил шаг и опустил голову. Ещё дальше сидела на скамейке пожилая женщина с сумкой. Она тоже услышала — и тоже опустила голову и принялась собираться.

Пётр Иванович любил вечерний парк за то, что в нём можно было думать. Днём здесь было слишком много людей —

с колясками, с собаками, с мороженым, — и мысли расползались, как муравьи, которых потревожили палкой. Вечером было иначе. Дорожки пустели, фонари загорались один за другим, и в этом жёлтом, ровном свете всё становилось проще: деревья, скамейки, он сам.

Он шёл по аллее, засунув руки в карманы, и думал о Слове.

Вот уже вторую неделю он думал о Слове — с тех пор, как открыл Библию и прочёл первые строки. «В начале было Слово». Он читал это раньше, много раз, и не задумывался. А теперь задумался — и не мог остановиться. Что это значит? Почему Слово? Почему в начале? И главное — что это меняет для него, для Пети Книголюбова, артиста театра, литературоведа и этнографа, человека, который всю жизнь имел дело со словами — чужими и своими, — но никогда не думал, что слово может быть силой.

Он думал об этом и не замечал, как идёт.

И услышав крик Пётр Иванович побежал.

Он не умел драться.

Это не было преувеличением. Он никогда в жизни не ходил в спортзал, не занимался борьбой, не поднимал штангу. У него было хрупкое телосложение, очки в тонкой оправе и руки, которые в минуту волнения начинали дрожать. Он знал, что в драке не продержится и пяти секунд. Знал это так же точно, как знал, что земля круглая.

Но он бежал.

Бежал и чувствовал, как страх поднимается в нём — животный, тяжёлый, тот самый, который сковывает движения и делает голос чужим. Бежал и вспоминал — не хотел, но вспоминал — школьный двор, снег, девочку в красном пальто, троих парней, которые окружили её у забора. Он тогда тоже бежал. Тогда тоже хотел помочь. И тогда тоже не умел драться.

Он тогда подошёл и что-то сказал. Не помнил, что именно. Что-то невнятное, жалкое, дрожащим голосом. А потом был удар, и снег, и боль, и две недели в больнице, и синяк на пол-лица, и рука, которая срослась неправильно и до сих пор ныла перед дождём. А девочка в красном пальто перевелась в другую школу, и её мать умерла через месяц, а отец запил.

Он помнил это. Не хотел помнить, но помнил.

Пётр Иванович выбежал из-за поворота и остановился.

Трое. Молодые, в тёмных куртках, с бритыми затылками. Они стояли полукругом, и в середине этого полукруга была девушка — маленькая, в светлой куртке, с сумкой, прижатой к груди. Она плакала. Не громко, а как-то беззвучно, и от этого было хуже.

Один из парней обернулся.

— Чего?

Пётр Иванович стоял и смотрел на них. Он чувствовал, как у него дрожат руки. Чувствовал, как страх сковывает его — не метафорически, а физически: ноги стали тяжёлыми, горло сжалось, и он не мог сделать вдох.

Он знал, что должен что-то сказать. Знал, что у него есть слова — те самые, которые он репетировал в театре, те самые, которые учил наизусть, те самые, которые произносил со сцены, и зал замирал. Знал, что у него есть Сила Слова — или, может быть, только её тень.

Он открыл рот.

И в этот момент всё остановилось.

Глава 2. «После»

Домой он вернулся, не помня как.

Шёл долго, пешком, не разбирая дороги, и руки всё ещё дрожали. Помнил, как открыл дверь, как снял пальто, как сел на кухне и просидел так, наверное, час. Может быть, два.

Девушка ушла. Куда — он не знал. Всё ли с ней в порядке — тоже не знал. Впрочем, наверное, в порядке: ведь она покинула опасную зону. Помнил только, что она сказала «спасибо» — тихо, почти шёпотом, — и что парни ушли, и что он стоял посреди пустыря, и ноги были как ватные, и сердце билось так, что отдавалось в ушах.

Что именно он сказал, он не помнил. Помнил только, что говорил — и что это сработало. И ещё помнил, что куда-то звонил. Помнил чей-то голос в трубке — чужой, незнакомый, будто из другой жизни. Но чей и зачем — не помнил, как отрезало.

На кухне было темно. Свет он не включил.

Сидел и смотрел в окно, а за окном был двор, и в этом дворе ничего не изменилось: те же деревья, те же фонари, те же листья, которые уже облетели. Смотрел на это и думал о том, что только что было.

А если бы он не побежал? Что было бы?

Ответ он знал. Знал слишком хорошо. Один раз уже не побежал — вернее, побежал, но не смог. И тогда всё кончи-

лось больницей, переводом девочки в другую школу и трагедией с её родителями.

Пётр Иванович сидел на кухне и думал: а что, если сейчас всё было бы так же? Что, если бы и у этой девушки, и у её близких сломались бы жизни?

Ответа не было. Проверить он не мог.

Потом встал и пошёл в кабинет.

Кабинет был маленький, заставленный книгами — не теми, которые стоят на полках для красоты, а теми, которые он читал: с закладками, с пометками на полях, с загнутыми углами. На столе лежала раскрытая Библия — та самая, которую он читал две недели назад, — и рядом блокнот, в который он записывал мысли.

Сел за стол и открыл блокнот.

«В начале было Слово».

Смотрел на эту фразу и думал: а что, если это не метафора? Что, если это не про Христа, не про что-то давно ушедшее, а про то, что есть у каждого — или может быть? Что, если слово — это не просто звук, а сила? И что, если эта сила зависит от чего-то — от веры, от опыта, от того, сколько раз ты это делал?

Вспомнил, как стоял на пустыре. Вспомнил тот страх — животный, тяжёлый, тот самый, который сковывает движения. Вспомнил, как открыл рот и не знал, что сказать.

А потом нашёл-таки силы и сказал что-то. И сказанное спасло девушку.

И ещё он помнил, что голос его не дрожал — или дрожал, но не так, как в школе. Помнил, что говорил уверенно. Как будто играл роль. Нет, не как будто — он её играл.

Блокнот закрылся. За окном было темно, и в темноте ничего не было видно. Пётр Иванович сидел и думал о том, что произошло, и не мог найти этому названия. Это не было чудом — в чудеса он не верил. Это не было случайностью — в случайности он тоже не верил. Это было что-то другое. Что-то, чего он пока не понимал.

Вспомнился Высоцкий. Та роль, которую он играл в прошлом году, — «Я не люблю насилья и бессилья». Вживался в неё неделями: слушал записи, читал стихи, ходил по квартире и говорил его голосом. И когда вышел на сцену, он не играл Высоцкого — он был им. Чувствовал его силу, его злость, его уверенность.

А сегодня на пустыре — чувствовал то же самое.

Как это назвать, он не знал. Знал только, что хочет это понять.

Спать он лёг поздно — или рано, на часы не смотрел. Лёг и закрыл глаза, и перед ним всё ещё стояла та девушка — маленькая, в светлой куртке, с сумкой, прижатой к груди. И парни. И темнота за поворотом.

И опять эти бесконечные сомнения, и вопросы, и опять одно и то же: а что, если бы он не побежал? А что, если бы побежал, но не сказал того, что сказал?

Ответа не было. Проверить он не мог. Но знал, что ска-

занное спасло девушку.

И это было важно.

Утром он позвонил Леониду.

Леонид был другом юности — тем самым, с которым они вместе учились, вместе прогуливали лекции, вместе влюблялись в одних и тех же девушек. Он был единственным, кому Пётр Иванович рассказал про школьную драку — про девочку в красном пальто, про больницу, про то, как всё кончилось. Леонид тогда выслушал и сказал: «Ты не виноват». Пётр Иванович не поверил, но запомнил.

Сейчас он набрал номер и долго слушал гудки.

— Алло? — Голос у Леонида был сонный. — Петька? Ты чего в такую рань?

— Лёня, — сказал Пётр Иванович. — Я не могу вспомнить, что я им сказал.

На том конце провода стало тихо.

— В смысле — не можешь вспомнить?

— В прямом. Я помню, что говорил. Помню, что это сработало. А что именно говорил — не помню. Как отрезало.

Леонид помолчал.

— Ну, я знаю только то, что ты мне сказал. Что её батя ждёт её у входа, что если ты её не приведёшь через пять минут — тебе конец. Это я и рявкнул в трубку. А что ты им потом говорил — я не слышал.

— А я им говорил… — Пётр Иванович замолчал. — Я говорил, что её отец — СБшник в «Роснефти». Что он ждёт

её у входа. Что если я её не приведу — он убьёт. И что он страшный человек.

— Ну вот, — сказал Леонид. — Значит, ты это и говорил. Только я этого не слышал. Я слышал только свою реплику.

— А я не помню, что ещё я говорил. И как, — сказал Пётр Иванович. — И почему-то я уверен, что именно это что-то и отпугнуло парней. Но не помню — что.

Леонид помолчал ещё немного.

— Слушай, — сказал он. — Ты вчера сделал что-то не похожее на себя. Я тебя знаю двадцать лет. Я видел, как ты играешь. Ты хороший артист. Но то, что ты сделал вчера, — это не игра. Это что-то другое.

— Я знаю, — сказал Пётр Иванович. — Я пытаюсь понять, что.

— Ну так пойми. И мне скажи. Потому что я, если честно, до сих пор не понимаю, что это было.

Он положил трубку.

Пётр Иванович посидел ещё немного, глядя в окно. Леонид не удивился событиям — он был там, хоть и "на трубке". Он удивился тому, что Пётр Иванович сам не верит, что это сработало. И это было важно: значит, со стороны виднее.

Глава 3. «Театр»

Утром он пошёл на репетицию.

Театр был старый — не тот, который отреставрировали на деньги меценатов, а тот, который помнил ещё прошлый век: скрипучие половицы, тяжёлые кулисы, запах пыли и краски, который не выветривался даже летом. Пётр Иванович любил этот запах. Любил его с тех пор, как пришёл сюда впервые — мальчишкой, на детский спектакль, — и потом, когда сам вышел на эту сцену, всё ещё его чувствовал.

Сегодня репетировали «Гамлета». Он играл Полония — роль небольшую, но важную, и готовился к ней всерьёз: читал переводы, сравнивал, искал, каким голосом Полоний говорит с сыном, каким — с королём, каким — с самим собой.

Но мысли были не здесь.

Он стоял за кулисами и ждал своего выхода, и в голове снова и снова прокручивался вчерашний вечер. Пустырь. Трое. Девушка. И он — с дрожащими руками и открытым ртом. А потом снова какой-то провал, туман: он что-то говорит, и оно волшебным образом действует, хотя никак не должно было.

Что же именно он сказал? Пытался вспомнить и не мог. Слова стёрлись, как будто их никогда и не было. Осталось только чувство — то самое, когда попадаешь в роль и уже не думаешь, что говорить: слова приходят сами, и ты просто

знаешь, что они правильные.

Он знал это чувство. Жил с ним всю жизнь — на сцене.

— Книголюбов! Ты где?

Голос режиссёра вывел его из задумчивости. Пётр Иванович вышел на сцену.

— Готов?

— Готов.

— Тогда начнём.

Он вышел на середину сцены и заговорил. И вдруг понял, что голос звучит иначе. Не так, как обычно. Обычно он играл Полония — старого, осторожного, немного смешного. Сегодня играл его иначе: твёрже, увереннее, с той силой, которая не требует крика.

Режиссёр остановил репетицию.

— Стоп. Что это было?

— А что?

— Ты играешь не Полония. Ты играешь кого-то другого.

Пётр Иванович молчал.

— Мне нравится, — сказал режиссёр. — Но это не Полоний. Это кто-то, кто знает, что делает. Кто-то, кто не боится. А Полоний боится.

— Может быть, он не боится, — сказал Пётр Иванович. — Может быть, он просто притворяется.

Режиссёр посмотрел на него долго.

— А ты изменился, — сказал он. — За одну ночь.

— Да, — сказал Пётр Иванович. — Наверное.

После репетиции он пошёл в библиотеку.

Библиотека была та же, что и всегда: высокие стеллажи, тишина, запах старых страниц. Сел за стол у окна и достал блокнот.

«Сила Слова».

Написал это и остановился. Что дальше? Не знал. Знал лишь, что сегодня на сцене — как и вчера на пустыре — он действовал нехарактерно для себя, играл иначе, и это заметили.

Думал о Высоцком. О той роли, которую играл в прошлом году. Тогда вживался в неё неделями — слушал записи, читал стихи, ходил по квартире и говорил его голосом. И когда вышел на сцену, он не играл Высоцкого — он был им. Чувствовал его силу, его злость, его уверенность.

А вчера на пустыре — чувствовал то же самое.

Может быть, дело в этом? Может быть, сила приходит не от слов, а от того, кем ты себя чувствуешь, когда их говоришь?

Он записал это в блокнот и подчеркнул.

Домой шёл пешком и по дороге думал о том, что произошло. Не знал, как это назвать. Но хочет понять и не может остановиться.

Глава 4. «Библия»

Библия лежала на столе раскрытой — на той самой странице, которую он читал две недели назад и с тех пор не закрывал.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Каждый вечер Пётр Иванович садился над этим текстом и не мог двинуться дальше. Не потому, что было непонятно, — как раз наоборот. Чем дольше он смотрел на эти строки, тем больше вопросов они вызывали, и ни один из них не находил ответа.

Почему Слово? Почему не «свет», не «жизнь», не «мудрость»? Почему именно слово — то, чем он сам пользовался каждый день, то, чем зарабатывал на жизнь, то, что произносил со сцены сотни раз и никогда не думал, что оно может быть чем-то большим, чем звук?

И почему «в начале»? Что это значит — в начале чего? В начале мира? В начале времени? Или в начале чего-то, что было до мира, до времени, до всего?

Классическое толкование он знал: под Словом подразумевается Христос. Ему говорили это на лекциях, это писали в комментариях, это повторяли священники. Но чем больше он об этом думал, тем меньше понимал.

Зачем называть Христа иначе? Зачем прятать его за сло-

вом «Слово»? И главное — зачем упоминать его в самом начале, когда речь идёт ещё только о сотворении мира, когда Христа ещё нет, когда есть только Бог и пустота?

Ответа не было. И чужого он принимать не хотел.

В библиотеке стояла тишина. За столом у окна лежали три книги: Библия, толковый словарь и старый учебник по богословию, который он взял с полки наугад.

Открылся словарь.

«Слово — единица языка, служащая для наименования понятий, предметов, лиц».

Словарь закрылся. Это было не то. Это было про язык, про грамматику, про то, как люди общаются. А в Библии речь шла о чём-то другом. О чём-то, что было до языка, до людей, до всего.

Открылось богословие.

«Слово Божие — второе лицо Святой Троицы, единосущное Отцу».

Закрылось и это. Толкование было правильным — он не сомневался, что оно правильное, — но оно не отвечало на его вопрос. Оно только повторяло то, что он уже слышал. А он хотел понять сам.

Спинка стула приняла его вес, и взгляд ушёл в окно.

За окном был двор, во дворе кто-то гулял с собакой, и собака тянула поводок, а держащий этот поводок человек смеялся. Обычная жизнь. Обычные люди. Они не думали о том, что было в начале. Они просто жили.

А он думал. И не мог остановиться.

Мысль шла дальше: а что, если «Слово» — это не Христос? Что, если это что-то другое — что-то, что было раньше, что-то, из чего всё началось? Что, если это сила — та самая сила, которая создаёт всё сущее простым произнесением? Не метафора, не иносказание, а реальная сила, которой обладает Бог — и которой, может быть, при каких-то условиях может обладать и человек?

Вспомнился вчерашний вечер. Пустырь. Трое. Девушка. И он — с дрожащими руками и открытым ртом. И что он в итоге собрался и сказал нужные слова, проявив Силу.

Что, если это была та самая сила? Что, если она есть у каждого — но не у всех проявляется? Что, если для неё нужно что-то — вера, опыт, уверенность?

Ответа не было. Но желание узнать — было.

В блокнот легла запись:

«Слово — не звук. Слово — сила. Но чтобы она работала, нужно что-то ещё. Что?»

Вопрос остался без ответа. Пока.

Блокнот закрылся, и Пётр Иванович пошёл домой.

Глава 5. «Вода»

Фильм он нашёл случайно.

Был поздний вечер, и Пётр Иванович сидел за ноутбуком, просматривая всё подряд — статьи, форумы, случайные ссылки, — и наткнулся на документальный фильм с простым названием «Вода». Смотреть не собирался. Собирался закрыть вкладку и лечь спать. Но что-то остановило — может быть, название, может быть, усталость, может быть, то самое чувство, которое он не мог назвать.

Он нажал «play».

Сначала это было скучно. На экране появлялись люди в белых халатах, говорили что-то про кристаллы, про структуру, про энергию. Пётр Иванович смотрел вполглаза, как смотрят передачи про здоровье, — с недоверием и без интереса.

А потом началось то, от чего он не смог оторваться.

На экране показывали воду. Обычную воду, которую замораживали, — и она кристаллизуясь образовывала снежинки. Разные снежинки. Одни были красивые, симметричные, как звёзды. Другие — кривые, рваные, уродливые.

И рядом с каждой снежинкой было слово. То самое слово, которое говорили воде, прежде чем её заморозить.

«Спасибо». «Любовь». «Мир». И снежинки были красивыми.

«Ты дурак». «Ненавижу». «Война». И снежинки были уродливыми.

Пётр Иванович остановил кадр.

Смотрел на экран и не мог поверить. Это было слишком просто. Слишком красиво. Слишком похоже на обман. Он знал, как делаются такие фильмы: берут нужные кадры, отбрасывают ненужные, добавляют музыку, и вот уже зритель плачет.

Но что-то в нём не отпускало.

Отмотал назад и пересмотрел. Потом ещё раз. Потом нашёл в интернете другие исследования — статьи, эксперименты, отчёты. Некоторые подтверждали. Некоторые опровергали. Но все они говорили об одном: вода реагирует. Не всегда так, как в фильме, не так красиво, но реагирует. Меняется её структура, меняется её поверхностное натяжение, меняется что-то ещё — то, что можно измерить.

Это было не чудом. Наукой. Или чем-то, что ещё не стало наукой.

Он закрыл ноутбук и посидел в темноте.

В голове было две мысли, и они не сходились.

Первая: это чушь. Вода не может реагировать на слова. Это физика, а не магия. Слова — это звук, звук — это колебания воздуха, колебания воздуха — это давление на поверхность. Всё просто. Никакой мистики.

Вторая: а если может? Что, если то, что мы называем «словом», — это не просто звук? Что, если за словом стоит что-

то ещё — то, что мы не видим, но что действует?

Он вспомнил вчерашний вечер. И хулиганов, и девушку. И свои дрожащие руки и открытый рот. И понимал, что по тем «законам жизни», которым он следовал до этого, так обычно не случается: когда ты пытаешься казаться, а не быть, — не бывает у хлюпика, не знавшего пороху, ни уверенности, ни взгляда убийцы, ни той сосредоточенности и спокойствия, что слышатся в голосе. И это обычно легко и сразу всеми считывается. Но вчера никем не считалось. И почему-то сработало.

Что, если это была та самая сила? Что, если слово — это не просто звук, а нечто большее? И что, если вода — это только начало? Что, если всё вокруг — всё, что мы видим и чего не видим, — реагирует на слово?

Он не знал. Но он хотел узнать.

Утром он пошёл в университет — не на свою кафедру, а на другой этаж, где сидел Миша Соколов, физик, с которым они когда-то вместе работали над одним проектом. Миша был человеком приземлённым, скептичным и не любил всё, что пахло мистикой. Именно поэтому Пётр Иванович шёл к нему.

Он нашёл его в лаборатории — Миша возился с каким-то прибором, что-то паял, и на столе у него лежали провода, отвёртки и чашка с остывшим кофе.

— Петя? — удивился Миша. — Ты чего здесь? Ты же на кафедре?

— Я к тебе. — Пётр Иванович сел на стул. — Мне нужно с тобой посоветоваться.

— По какому вопросу?

— По научному.

Он рассказал про фильм. Про снежинки, про слова, про исследования, которые он нашёл. Миша слушал, не перебивая, и на лице у него было то выражение, с каким взрослые слушают детей, которые рассказывают про Деда Мороза.

— И что? — сказал он, когда Пётр Иванович закончил. — Ты серьёзно?

— Я не говорю, что это правда. Я говорю, что хочу проверить.

— Что проверить? — Миша отложил паяльник. — Петя, это же псевдонаука. Кристаллы воды, снежинки, слова… Это всё для журналов типа «Ангел-хранитель». Ты же не читаешь такие журналы?

— Не читаю.

— Тогда зачем ты мне это рассказываешь?

Пётр Иванович молчал.

— Потому что я сам это видел, — сказал он наконец. — Не снежинки. Другое.

И он рассказал про парк. Про троих, про девушку, про то, как он стоял и не мог двинуться, а потом открыл рот — и сказал. И это сработало.

Миша слушал. На этот раз без усмешки.

— То есть ты хочешь сказать, — медленно проговорил он,

— что твои слова… подействовали на них?

— Я не знаю. Может быть, это была случайность. Может быть, они просто испугались. Но я хочу проверить.

— Как?

— Не знаю. Пока не знаю.

Миша помолчал, потом взял чашку, отхлебнул остывший кофе и поморщился.

— Слушай, — сказал он. — Я не верю в это. Но если ты хочешь проверить — проверяй. Только не на людях. На воде. На чём-нибудь, что можно измерить. И если получится — приходи, покажешь.

— А если не получится?

— Тогда приходи и скажи, что я был прав. — Он усмехнулся. — Я люблю, когда я прав.

Пётр Иванович кивнул и вышел.

Дома он записал в блокнот:

«Миша не верит. И это правильно — я бы тоже не верил. Но он сказал: проверь на воде. На том, что можно измерить. Может быть, он прав. Может быть, мне нужно не искать силу в словах, а доказать её. Или не доказать — и тогда признать, что я ошибался».

Он посмотрел на эту запись и понял, что не знает, что делать дальше. Но он знал, что обязательно надо проверить.

Глава 6. «Сказки»

Сказки он любил с детства, но по-настоящему заинтересовался ими позже — когда занялся этнографией.

Тогда, в университете, ему казалось, что сказки — это просто истории, которые рассказывали, чтобы скоротать вечер. Но чем глубже он копал, тем яснее становилось: сказки — это не просто истории. Это код. В них зашифровано то, как народ видит мир, во что верит, чего боится и на что надеется. Но сегодня у него появилась ещё одна мысль, которая всё никак не выходила из головы.

Пётр Иванович сидел в библиотеке и перечитывал старые сборники — русские, немецкие, французские. Он искал закономерность, которую заметил ещё вчера, но не успел сформулировать.

Первым делом он открыл русские сказки.

«Сказка о рыбаке и рыбке». Старик ловит золотую рыбку, отпускает её, а потом — по требованию старухи — просит у неё всё больше и больше. И рыбка даёт. Даёт корыто, даёт избу, даёт дворянство. А потом, когда старуха требует стать владычицей морскою, рыбка молча уходит, и всё возвращается к исходному.

Пётр Иванович знал эту сказку наизусть. Но сегодня он смотрел на неё иначе. Думал: а откуда всё это берётся? Кто даёт? Почему просто так?

Он открыл «Конька-Горбунка». Иванушка-дурачок — ленивый, глупый, лежит на печи — получает в подарок волшебного конька, который делает за него всё. А потом — и царство, и царевну, и полцарства в придачу.

Он открыл «Емелю». Емеля ловит щуку, отпускает её, и щука говорит: «По щучьему велению, по моему хотению — всё, что захочешь, исполнится». И Емеля, лёжа на печи, получает всё: и воду приносит, и дрова рубит, и на печи к царю едет.

Пётр Иванович отложил книгу.

Общее было очевидным. Во всех этих сказках герой ничего не делает. Не работает, не старается, не борется. Просто ждёт, верит — и чудо приходит. Само. С неба. Из ниоткуда.

А теперь хотелось изучить, каковы особенности сказок у народов, которые живут иначе, чем россияне. Например, у западных сказок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.